

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

Ольга Карпович

Пожалуйста,
ТОЛЬКО ЖИВИ!

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Художественное оформление серии *А. Старикова*

Карпович, Ольга.
К26 Пожалуйста, только живи! : [роман] / Ольга Карпович. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Возвращение домой. Романы Ольги Карпович).

ISBN 978-5-699-81526-5

Когда она смотрела на него, он был готов на любые безумные поступки. Когда он находился рядом, она наконец сбрасывала маску и позволяла себе быть слабой. Но судьба, словно нарочно, разводила их дальше и дальше друг от друга. Его забросила в котел жестокой войны, ее — в гущу сложных событий и бандитских разборок. Их разлуки бесконечны, а встречи редки, как живительный дождь в засуху. Но главное для каждого из них — знать, что другой существует на этой земле, что он еще жив. «Пожалуйста, только живи! Далекий, израненный, с искалеченной душой, что бы ни случилось, только живи!»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81526-5 © Карпович О., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Том первый

Часть I

1

— Слышь, Марго, а может, ну его на хрен? — тоскливо прогудел Банан.
— Че на хрен-то, че на хрен? — тут же завелся низкорослый вертлявый Аниська. — Тебе-то че, тебе, конечно, на хрен. У тебя батяня в запое вторую неделю. А мой-то в завязке, злой как черт. Ему еще на кирпичке с лета зарплату не платили... Он завтра на собрание ходит, в журнал глянет — и кранты мне.

— Ну и че, в запое. — Банан, скривив толстые губы, сплюнул под ноги. — Мамка-то не в запое.

— Мамка! — презрительно протянул Аниська. — Мамка-то че, только пилить будет и плакать, сам, что ли, не знаешь? А батя меня сто пудов выдерет. У него ремень знаешь какой, с армии еще. Я в прошлый раз два дня еле на заднице сидел.

Банан вздохнул, сощурившись, поглядел сквозь полублестевшие ветки боярышника на косо освещенный фонарем школьный двор и обернулся к худенькой гибкой девчонке с выразительным тонким лицом и темными, спускавшимися до середины шеи волосами, не сводившей остро поблескивающих в темноте глаз с окна на первом этаже.

— Тебе-то это все зачем, а, Марго? Твой-то папахен уже лет пять как в городе не появлялся. Счастливая!

— Хорош трепаться! — коротко оборвала их девчонка.

Она вытащила руку из кармана куртки и указала пальцем на едва заметное светящееся голубое пятно в углу окна.

— Футбол закончился, Михалыч сейчас курить пойдет, пора.

Банан уныло вздохнул, но спорить не решился, выбрался из кустов боярышника и, ссутулив плечи, поплелся вперед, к освещенному куску школьного двора. Аниська двинулся за ним. Рита, сжав губы, наблюдала за их движущимися силуэтами: вертлявый Аниська шел, словно подпрыгивая на ходу, подергивая плечами, здоровый Банан плелся нехотя, подволакивая ноги. Они пересекли освещенную полосу асфальта, остановились у здания школы. Аниська воровато оглянулся по сторонам, вытащил из кармана кусок угля и принялся аккуратно выводить прямо под окном кабинета химии косые крупные буквы. Он успел уже написать «Мезенцева — су...», когда тяжелая железная школьная дверь с глухим стоном отворилась, и на крыльце возник сторож Михалыч.

Рита прикусила костяшки пальцев, сосредоточенно наблюдая за происходящим. Она вся подобралась, готовая рвануть с места, как только представится подходящий момент.

Михалыч сунул в рот «беломорину», похлопал по карманам, отыскивая спички, и вдруг увидел пару хулиганов, бессовестно портящих только этим летом заново выкрашенный фасад школы. Рите показалось, что даже седые усы его хищно встопорщились, предвкушая добычу.

— Вы что? — взревел он. — Вы что это делаете, поганцы?

И бравый Михалыч ринулся вниз со ступенек.

Пора!

Рита выскочила из кустов, бесшумно пересекла школьный двор, краем глаза увидела широкую спину Михалыча, ухватившего нарушителей спокойствия

за воротники курток, — ее, избегающую по ступенькам школы, он теперь видеть не мог.

— А мы че? Мы ниче, — плаксиво завывал Аниська. — Отпустите, Василий Михалыч, мы больше не будем!

— Ага, Анисимов, ты! Так я и знал, паскуда, — разорялся сторож. — И Банаев с тобой! Куда ж без милого друга!

— Да я ваше ниче не делал, я стоял рядом просто! — басил Банан.

Дальнейшего Рита уже не услышала. Она проскользнула за дверь, пронеслась мимо освещенной каморки сторожа, в которой гудел телевизор, и рванула вверх по лестнице на второй этаж. Прислонилась спиной к стене, переводя дыхание.

В школе было почти темно. Из окон коридора лился рассеянный молочный свет уличных фонарей. Отдышавшись, Маргарита двинулась дальше. На секунду задержалась возле доски «Наши отличники». Можно было бы, воспользовавшись случаем, подрисовать усы Ленке Бабенцевой, мерзкой ботанше из параллельного класса. Ладно, жаль время терять, в другой раз.

Вот и дверь учительской, третья по правой стороне коридора. Рита остановилась перед ней, подергала за ручку — заперта. Ничего, она и не рассчитывала, что все получится так легко. Достала маленькие плоскогубцы из кармана куртки, немного повозилась с замком. Короткий щелчок, и дверь подалась вперед, открылась, жалобно скрипнув.

Рита, двигаясь плавно и бесшумно, скользнула в учительскую. Здесь пахло старой бумагой и застоявшимся сигаретным дымом. Ветхие кресла с высокими спинками у окна отбрасывали длинные тени. Зашелестела мясистыми листьями на сквозняке пыльная пальма в углу.

Осторожно ступая, чтобы не заскрипел под ногами разошедшийся паркет, Рита приблизилась к шкафу. Ага, вот здесь, в открытой ячейке. Она пробежалась пальцем по дерматиновым корешкам классных журналов и вы-

удила тот самый, нужный, в тускло-зеленом переплете. Раскрыла первую страницу, прищурившись в темноте, прочитала надпись 9«Б», утвердительно кивнула самой себе, сунула журнал под куртку и выскочила обратно в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь.

Ей самой воровать школьный журнал не было никакого резона. С оценками у нее, в общем-то, было все нормально, и никакая родительская кара за двойки не грозила. Но верные друзья Банан и Аниська очень уж боялись родительского собрания, назначенного на следующую неделю, ныли и упрашивали. И Рита — так уж и быть — разработала план по спасению задниц дорогих друзей от отцовских ремней.

Все предприятие заняло не более десяти минут, но, видимо, и этого оказалось чересчур много для ее нерасторопных поделщиков. Потому что, спустившись по лестнице вниз, Рита обнаружила, что дверь каморки сторожа открыта нараспашку и в самой каморке, удобно расположившись на продавленном диване, отдыхает Михалыч. Едва не вскрикнув от неожиданности, Маргарита рванулась назад, притаилась за углом коридора. Кажется, не заметил.

«Мать твою, куда подевались эти олухи? Они же должны были задержать его, пока я не вернусь!»

Девушка сжала холодными пальцами виски, стараясь сосредоточиться, понять, как теперь действовать. Через окно удрать не выйдет, на первом этаже везде решетки, а со второго прыгать — только ноги ломать. Через столовую? Там, кажется, есть маленькое незарешеченное окошко в кухне. Можно попробовать просочиться.

Проклятый журнал выпирал из-под куртки, мешал бежать. Рита, пригибаясь и оглядываясь, пролетела по коридору и вбежала в столовую.

Темнота. Пахнет подгоревшими булочками и капустным супом. Она прошмыгнула между столов, вперед, туда, где за деревянной раздаточной стойкой открывалась кухня. Легко перемахнула через стойку, двинулась почти

на ошупь между каких-то железных чанов и кастрюль. И уже у самого окошка задела ногой цинковое ведро. Тишину прорезал гулкий металлический звук. И тут же из двери подсобки воровато высунулась чья-то всклокоченная голова:

— Кто тут?

Сердце сделало бешеный рывок и заколотилось о ребра. В крови забурился адреналин.

«Повариха тетя Глаша. Что она тут забыла? Ну ясно, приперлась вынести что-нибудь, пока нет никого. Значит, задняя дверь должна быть открыта. Быстрее!»

Рита бросилась вперед, уже не обращая внимания на шум, на ходу натягивая на голову капюшон — может, не узнает. Щелкнул выключатель, задрожал над головой яркий свет.

— А ну стой, зараза! — рявкнула тетя Глаша. — Стой, кому говорю!

Рита добралась до задней двери, через которую в столовую заносили продукты с базы, толкнула ее — открыта! Теперь бегом, этой корове никогда за ней не угнаться.

Она слетела со ступенек и бросилась прочь, слыша, как повариха, отдуваясь, что-то орет ей в спину. «Фамилию не кричит. Значит, не узнала».

Рита пробежала по заднему двору, лихо перемахнула через забор и остановилась, тяжело дыша. Кажется, пронесло. Теперь осталось найти этих засранцев.

Банан и Аниська ждали ее там же, в кустах боярышника.

— Уроды! — коротко бросила им Рита.

— Ну а че, а че нам было делать? Он сам нас отпустил, — затараторил Аниська.

— Сказал, завтра с утра чтоб с хлоркой пришли и все смыли, — поддакнул Банан.

— Марго, ну не заводись, — заныл Анисимов.

— Да пошли вы! — Она, сунув руки в карманы джинсов, пошла вперед.

Пацаны поплелись за ней.

— Ты журнал-то достала? — заискивающе спросил Аниська.

Рита, не отвечая, вытащила из-под куртки тяжелую тетрадь и сунула ему:

— На! Только не плачь!

— Ух ты! — Он обрадованно подскочил. — Марго, ну ты крутая! Ты даже не представляешь насколько.

— Поверь, с самооценкой у меня все в порядке, — бросила Рита на ходу.

— Че? — растерянно заморгал Аниська.

— Ниче! Пошли давай! Где наши?

На косогоре за железнодорожными путями горел костер. Оранжевые языки пламени играли в осеннем вечернем воздухе. Колкие искры, взвиваясь вверх, вспыхивали и гасли. Весело трещали охваченные огнем сухие ветки. Расположившиеся у костра парни радостно приветствовали появившихся на склоне холма Риту и ее друзей.

— Гля, пацаны, сама королева Марго пожаловала, — провозгласил Леха. — Ну че, школота, повезло вам сегодня?

— Пф, ты, я смотрю, как в учагу поступил, так сразу очень взрослый стал? — отбрила Маргарита.

Аниська вскинул вверх нескладные руки, сжимавшие журнал, и запрыгал вокруг костра в каком-то бешеном первобытном танце.

— Вот он! Вот он, падла! Только его и видели.

Кто-то протянул Рите пластиковый стаканчик с портвейном. Она, поморщившись, отхлебнула приторную маслянистую жидкость. Щеки сразу вспыхнули, и рукам стало тепло. Аниська с гиканьем швырнул журнал прямо в костер.

— Придурок, что ли? Сейчас вонь поднимется! — Рита, подцепив уже занявшийся журнал палкой, выудила его из костра, обжигая пальцы, содрала с него дерматиновую обложку. — Теперь давай! Жги!

Втроем с Аниськой и Бананом они с хохотом принялись раздирать школьный журнал на отдельные страницы, мять их и швырять в огонь.

Исписанная бумага корчилась в пламени. Костер вспыхнул ярче, и всем отчего-то сделалось весело. Новая бутылка портвейна пошла по кругу. Банан откидывал белесую челку, щурясь на оранжевый огонь. Аниська, скалясь плохими зубами, отплясывал свой папуасский танец. Рита, разбежавшись, лихо перемахнула через пламя.

— Марго! — окликнул ее кто-то из компании. Она обернула к нему скуластое, в алых бликах пламени, лицо. — Да ты прям ведьма!

И Рита расхохоталась, откинув голову.

Журнал догорел, и веселье тоже стало затихать. Аниська смолил папиросину. Банан отшвырнул в кусты опустевшую бутылку.

— Может, в картишки? — предложил Леха.

— Ага, я с Марго не играю, — хмыкнул Костыль, парень из их же компании. — У нее в колоде 12 тузов.

— А где Марат? — вдруг спросила Рита.

— Так у них же проводы сегодня, — пояснил Леха. — Брат его, Руслан, в армию уходит завтра утром. Мы туда попозже двинем.

— А, ясно.

Рита вдруг поскуचनाла, отошла на несколько шагов, опустила на уже поникшую, пожелтевшую после лета траву, откинулась на локти, закурила. Дым от сигареты тонкой белой струйкой поднимался вверх, расплываясь в темно-синем воздухе. Взревел, приближаясь, поезд. Вспыхнули, появляясь из-за поворота, фары. Темноту прорезал яркий белый свет, а затем загрохотало, загудело, и понеслась перед глазами вереница темно-зеленых вагонов, перечеркнутых оранжевой полосой.

Рита напряженно вглядывалась, пытаясь разобрать на табличках, куда едет этот поезд, но вагоны летели слишком быстро, различить названия не удавалось.

Вот на таком же грохочущем, пахнущем железом и едким мазутом поезде уехал пять лет назад отец. Оставив дома рыдающую мать и пообещав Рите писать. Обещал он, как же. Однажды открытку прислал к Восьмому марта. «Милая доченька, жизнь непростая штука. Прости меня!» Ублюдок!

Рита, щелкнув пальцами, отшвырнула окурков под колеса грохочущего состава. Рядом на траву опустился Леха. Подперев ладонями щеки, тоже принялся смотреть на проносящиеся вагоны.

— Так хочется свалить отсюда куда-нибудь. Правда? — спросила вдруг Рита, не отводя глаз от мелькавших перед глазами задернутых белыми короткими занавесками окон.

— Так в чем проблема? Пошли с нами к Ибрагимовым, — весело отозвался Леха. — Говорю же, проводы у них, Руслан в армию уходит. Там полгорода уже.

2

Во дворе грохотала музыка. Баба Дина наотрез отказалась запускать всю толпу явившихся на проводы в дом и накрыла столы снаружи, под почти облетевшими яблонями. Несмотря на промозглый осенний вечер, гости расходиться не желали и, похоже, намерены были веселиться до утра.

Бренчали, схлестываясь во время тостов, стаканы, плавал, цепляясь за узловатые яблоневые ветки, сигаретный дым, у недавно выкрашенного в веселый голубой цвет забора вяло топталось под музыку несколько парочек. Санек, бывший одноклассник Руслана по училищу, вдруг заорал, заглушая магнитофон:

— Афганистан, и по приказу мы встаем!

Тут же по рукам пошла гитара, раздолбанная, дребезжащая, со змеившейся в деке трещиной. Бабуля грохнула на стол еще одну кастрюлю с беляшами, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, пошла в дом, ворча себе под нос:

— Ии, чтоб вас, черти! Все сидят и сидят, пьют и пьют, а мальчику завтра к семи в военкомат. Ишь, глотки дерут, гогочут! А чего радуются?

Марат встретился глазами с братом. В того бульдожьей хваткой вцепился милиционер дядя Коля, пьяно нависал над братом, внушая со значительным видом:

— Армия, Руслан, это, я тебе скажу, такая школа жизни. Это вот сейчас стало у вас, молодежи, вроде не модно. А в наше время мы так и считали: не служил — не мужик! И ты молоток, что не стал вот это все — суетиться, бегать, справки липовые доставать. Так и надо!

Марат заметил, как Руслан важно кивает дяде Коле, едва сдерживаясь, чтоб не прыснуть со смеху.

Он пошел в дом, разулся у порога. Под ногами сухо скрипнули половицы. Мягко ступая по стерильно чистым бабушкиным половикам, прошел мимо кухни, где бабка, все так же бубня себе под нос, ворочала противнями с угощением для гостей. И, наконец, оказался в дальней комнате, где спал последние несколько лет.

Дом их был расположен в старой части города, собственно говоря, почти в деревне. Здесь уже не было ни типовых пятиэтажек, понастроенных некогда для семей рабочих с кирпичного завода, ни разграниченных улиц. Столетние дряхлые домишки стояли кое-как, узкие проулки между ними сплетались, путались, так что иногда и не понятно было, к какой именно улице относится ржавый номер на заборе дома. Эта часть города считалась самой неблагополучной — логовом хулиганья и шпаны. Хотя к братьям Ибрагимовым, выросшим здесь, у участкового до сих пор претензий особых не возникало.

Марат сел на узкую, застеленную пледом кровать, взвизгнувшую пружинами под его весом. С висевшего на стене плаката хитро шурился Брюс Ли — Руслан повесил в период увлечения восточными единоборствами. Марат протянул руку к свернувшемуся на подушке серому котенку. Проговорил тихо: